

А. С. Демин

О ДРЕВНЕРУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ
ТВОРЧЕСТВЕ

Опыт типологии
с XI по середину XVIII вв.
от Илариона до Ломоносова

Ответственный редактор
В. П. Гребенюк

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2003

ББК 83.3(2Рос=Рус)3-001.3
Д 30

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16012

Демин А. С.

Д 30

Древнерусская литература: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова / Отв. ред. В. П. Гребенюк. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 760 с. – (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-94457-133-0

В книге разрабатывается новая и актуальная проблема — история древнерусского литературного творчества, интегрирующая поэтику, стилистику, текстологию, идеологию и эстетику древнерусской литературы. Рассматриваются основные типы древнерусского литературного творчества, их признаки и эволюция в течение семи с половиной веков. Материалом для наблюдений служат памятники практически всех древнерусских жанров, от сочинений митрополита Илариона и летописей до ранней русской драматургии и поэзии Ломоносова.

Книга является продолжением предыдущей большой монографии А. С. Демина («О художественности древнерусской литературы», М., 1998) и составляет двухтомник по эстетической истории литературы Древней Руси, основа которой заложена трудами Ф. И. Буслаева, А. С. Орлова, И. П. Еремина, Д. С. Лихачева.

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

© А. С. Демин., 2003

© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2003

ISBN 5-94457-133-0

Анатолий Сергеевич Демин

Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева посвящаю эту книгу

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	9
Несколько слов о периодизации древнерусской литературы	11

I. Архаическое литературное творчество в XI—XII вв.

Семантика «Повести временных лет»	15
1. Персонология «Повести временных лет»	15
2. О типе литературного творчества создателей «Повести временных лет»	41
Перечисление как литературное творчество (по памятникам XI — начала XII в.)	67
Изобразительность «Сказания о Борисе и Глебе»	83
1. Герменевтика писательского высказывания (по «Сказанию о Борисе и Глебе»)	83
2. Единицы изобразительности (по «Сказанию о Борисе и Глебе»)	95
3. Виды художественной образности в «Сказании о Борисе и Глебе»	105
Облик читателя в книжных предисловиях XI—XII вв.	115
Об «архаизирующем» повествовании в «Слове о полку Игореве»	128
Гипотеза о первоначальном виде «Слова о погибели Русской земли»	142

II. Традиционное литературное творчество в XIII—XVII вв.

«Житие Александра Невского» и летописание XII в.	159
Повествовательная особенность «Хождения» Стефана Новгородца	167
«Слово о погибели Русской земли» и «Задонщина», перенесенные во вторую половину XV в.	170
Литературные черты древнерусских письменников	178
1. Обзор русских письменников XV—XVII вв.	178
2. О древнейшем русском письменнике XV в.	189
3. О письменнике в «Великих минеях четых»	201
4. Об отрывках из неизвестных прозаических посланий в письменниках	208
5. О литературном значении древнерусских письменников	212

О типе литературного творчества составителей «Псковской второй летописи»	220
Пессимистическое умонастроение составителей «Хронографа 1512 г.»	227
«Сказание о Мамаевом побоище»: роль чувств	235
«Подтвердительная» повествовательная манера «Степенной книги»	242
«Слово о полку Игореве», «Задонщина» и поздняя книжность	255
1. Отголоски «Слова о полку Игореве» в «Казанской истории»	255
2. «Слово о полку Игореве» и предисловие к «Хронографу» 1641 г.	265
3. «Задонщина» в сборнике середины XVII в.	270
Литературное значение старопечатных книг XVI—XVII вв.	276
1. Предисловия Франциска Скорины к библейским книгам — литературный цикл	276
2. Послесловие к первопечатному «Апостолу» Ивана Федорова 1564 г. как литературный памятник	281
3. Скрытая полемичность старопечатных книжных послесловий XVI в.	297
4. Литературные особенности изданий «Пролога»	315
«Казанская история»: двуликий автор	341
Литературные новации «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»	350

III. Новаторское литературное творчество в XVII — первой половине XVIII в.

«Новая повесть» и новая манера повествования	361
О демократических стихотворных посланиях в письмовниках	370
Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности	374
Повествовательные новации и читательский мир в произведениях 1660-х — 1670-х годов	388
1. Стремление к ясности изложения	388
2. Афористика Симеона Полоцкого	406
Новаторство ранней русской драматургии	427
1. О понятности драматургической формы в XVII в.	427
2. Диалог «Школьное благочиние» Прохора Коломнятина	433

3. Мотив переменчивости жизни в драматургии первой половины XVIII в.	437
4. Неконтактность литературных героев в конце 1720-х — 1730-х годах	449
Стилистические опыты молодого Ломоносова	463

IV. Об исследователях и исследовании древнерусской литературы

Труды В. Н. Перетца по истории русского театра	489
Близко ли далекое? (О книге В. Ф. Переверзева)	500
Своеобразие источниковеда (Об И. М. Кудрявцеве)	505
Древнерусская литература в «Литературных памятниках»	514
Зеркало таланта (О книге Д. С. Лихачева)	522
Филологическая держава академика Дмитрия Сергеевича Лихачева	527
Древнерусская литература глазами Риккардо Пиккио	534
Для кого писать? (К 800-летию «Слова о полку Игореве»)	538
Текстолог и «пестрота» XVII в.	545
Принципы составления фундаментальной истории древнерусской литературы	553
Что делает литературовед с древнерусским произведением	561

V. Фактографические приложения

Приложения к разделу о письмовниках	569
Приложение 1. Тексты письмовников	571
Приложение 2. Археографический обзор и стеммы списков письмовников	640
Приложения к разделу о старопечатной литературе	669
Приложение 3. Новонайденный экземпляр печатного виленского «Апостола» 1591 г.	670
Приложение 4. Описание литературного состава русских старопечатных сборников XVII в. (подготовила А. Г. Мирзоян)	676
Приложение к разделу о драматургии	713
Приложение 5. Неизвестная челобитная И.-Г. Грегори	713
<i>Список сокращений</i>	715
<i>Именной указатель</i> (сост. Е. В. Зуевская)	717
<i>Указатель произведений</i> (сост. Е. В. Зуевская)	730

К ЧИТАТЕЛЯМ

В этой книге древнерусская литература изучается с той ее стороны, которая интересна для нас сейчас, а не в древности. Ведь для большинства древнерусских книжников литературное творчество вовсе не являлось главной целью. Однако обойтись без него и им было невозможно, собственно литературный феномен существовал всегда, выделять его — правомерно.

Предлагаемая книга ставит новый вопрос о вековых типах литературного творчества, сложившихся в средневековой Руси и обильно представленных в памятниках. Категория «тип литературного творчества», пожалуй, самая синтетичная — она объединяет текстологию, идеологию, стилистику, поэтику, семантику и эстетику памятников: все данные можно сводить воедино. Но для этого их надо получить и оценить у представительной массы памятников, притом без грубой и прямолинейной модернизации, а подобная работа исключительно велика и прежде всего требует конкретики, изучения семантики повествовательных форм и средств в памятниках и ее объяснений особенностями повествовательной манеры и мироотношения писателей в возможно строгом соответствии материалу. Семантические исследования испытывают хроническую нехватку доказательств однозначных, прямых, полных — это основная трудность для наблюдений и истолкований, для верного применения научной терминологии.

И все же в результате проделанного анализа складывается обобщенная картина; категорией «тип литературного творчества» древнерусская литература охватывается в самом крупном членении. Называю такие типы достаточно условно по их отношению к Новому времени: 1) архаическое литературное творчество, первоначальное на Руси и резко не похожее на наше; 2) традиционное литературное творчество, перерабатывавшее традиции и более сходное с нашим в повествовательной области; 3) новаторское литературное творчество, склонное к явственным новациям и предшествующее нашим устремлениям к художественности литературы.

К истории типов древнерусского литературного творчества исследователи даже не подступались, тем более что хронологические границы между типами размыты, типы «заходят» в чужие пределы, а древнерусская литература гораздо более едина, вопреки накладываемым на нее разного рода периодизациям. Историю типов древнерусского литературного творчества сразу создать невозможно, и поэтому предлагаемая ныне книга содержит очерки, зачастую довольно боль-

шие, пока лишь по предварительной классификации и истории типов древнерусского литературного творчества. Хотя очерки, включенные в состав книги, написаны в разное время, но теперь они, если необходимо, переработаны и вместе образуют принципиально новое связное целое; внутри каждой части книги публикуемые работы расположены по источниковедческому принципу, более приемлемому для нынешнего этапа изучения проблемы; по ходу рассмотрения источников делаются и теоретические выводы, тоже пока предварительные.

Получившаяся книга является естественным продолжением предыдущей моей большой книги — «О художественности древнерусской литературы» (М.: «Языки русской культуры», 1998) — и придерживается принятых в ней правил издания. Обе книги представляют собой двухтомник избранных работ по эстетической истории древнерусской литературы, полностью различаются составом, но взаимодополняют друг друга в пределах этой более широкой, если не сказать широчайшей, темы.

Однако эстетическая история древнерусской литературы, помогающая более глубокому познанию общих культурных процессов и более тонкому пониманию нами литературных памятников, несмотря на огромный вклад ученых в их осмысление, от Ф. И. Буслаева до Д. С. Лихачева, все же находится в подготовительном состоянии, что побуждает продолжать исследования в этой области и при этом думать о научной методике, исходных категориях, совершенствовании доказательной базы и, значит, об опыте научных предшественников, которым и посвящена одна из частей данной книги.

Вся же книга посвящается памяти крупнейшего филолога конца XX в. — Дмитрия Сергеевича Лихачева, — которого я считаю своим Учителем в науке. Его художественно-научная интуиция была просто захватывающей. Он произвел на меня самое сильное впечатление на всю жизнь.

Благодарю тех, кто читал мою книгу в рукописи и сделал очень полезные замечания — В. П. Гребенюка, В. М. Гуминского, А. Б. Куделина, В. М. Кириллина, О. В. Гладкову, М. Ю. Люстрова, а также приношу особую благодарность Б. Н. Тарасову, В. И. Федорову, Л. А. Софроновой и Т. В. Марелло.

Но вынужден закончить свое вступительное слово чистосердечным признанием: нынешняя жизнь заставляет осознать, что время романтических надежд на гуманитарную науку осталось позади; поэтому чем нужны будут в современном обществе такие книги, как эта, — не угадать; хотя так утешительна мысль о том, что в новых условиях не исчезнет потребность в эстетических впечатлениях от искусства и от литературы и, значит, в продолжении и обновлении форм и методов их изучения.

Июль 2001 г.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Всем знакома и сейчас, кажется, всеми критикуема прежняя периодизация древнерусской литературы — по историческим явлениям и процессам. В самом деле, что значит, например, «литература эпохи Куликовской битвы»: кончилась битва в 1380 г. — кончилась и литературная «эпоха», или она продолжалась до несостоявшейся битвы 1480 г. — «стояния на Угре»?

Попытки отойти от обедняющей и слишком дробной периодизации древнерусской литературы предпринимались неоднократно, правда, в сторону все более расплывчатого названия исторических периодов, обволакивающих свою литературу, словно жертву исторического процесса. Однако была сделана, на наш взгляд, и попытка успешная, — это когда Д. С. Лихачев предложил делить древнерусскую литературу на три крупные хронологические части: на собственно древнерусскую литературу XI — начала XIII вв. (литературу Киевской Руси); на средневековую русскую литературу XIII—XVI вв. (литературу Северо-Восточной Руси); и на русскую литературу переходного периода к Новому времени в течение XVII — первой трети XVIII вв. Плодотворность предложенной периодизации заключалась в ее неявной опоре уже не столько на внешние социально-исторические факторы, сколько на внутренние эстетические свойства самой литературы. В этом направлении, по-видимому, и надо продолжить усилия.

Эстетические принципы меняются гораздо медленнее, чем исторические явления, влияющие на литературу, и поэтому составляют основу для более крупной и органичной периодизации всей древнерусской литературы. К таким основополагающим принципам, как мне думается, относится *тип литературного творчества* древнерусских писателей и, в частности, суть их повествовательной манеры.

Наблюдения над произведениями показывают, что, по большому счету, всего лишь три важнейших типа литературного творчества были выработаны древнерусской литературой. Хронологически первым явилось *архаическое литературное творчество*, характерной чертой которого стал специфический лаконизм повествования, рассчитанного преимущественно на подразумевания, припоминания, ассоциации, возникающие у читателей и слушателей. Так, слова, выбитые в камне, не описывают, а лишь напоминают о чем-то, находящемся уже в сфере припоминаний. Архаическая литература глубоко драматична, но

не всегда нам понятна, потому что ее ассоциации давно позабыты и сверх написанных слов мы нередко мало что воспринимаем.

Второй тип литературного творчества начал формироваться в XIII в. и оставался действенным вплоть до XVIII в., — таким долгим было существование *традиционного творчества*, направленного на своего рода инвентаризацию и широкое использование огромных повествовательных традиций, доставшихся от прошлого, но с кардинальными изменениями повествования на изложение, ясно досказанное и идеологически дотошно растолкованное, не оставляющее места для домыслов. Словоохотливое традиционное древнерусское творчество, конечно, неизмеримо ближе к нашему пониманию, нежели творчество архаическое.

Наконец, третий тип творчества — *новаторский* — зародился в XVII в. как некое возвращение к архаике, к принципам ассоциативности и подразумеваемости повествования, но в действительности — к стихийно намечавшимся принципам художественности и образности. Ведь образ порождается не растолкованиями, а ассоциациями. Сравнительно недолгий новаторский тип древнерусского литературного творчества послужил пропуском для перехода к литературе Нового времени, к художественной литературе, эстетика которой уже близка нам.

Периодизация древнерусской литературы в зависимости от типов литературного творчества позволяет видеть, насколько гибки границы между «периодами», вернее, между частями литературы во времени, а также насколько развитие литературных явлений определяется типом творчества. Например, понятно, почему жанровые формы так зыбки в период архаики, так определены и мощны в период традиционализма и так потрясены и наполнены экспрессией в период новаторства. Таких соответствий можно наобзреть немало.

Однако должен предупредить, что по-журналистски складно нарисовать общую схематическую картину литературного развития совсем не трудно, особенно эффектными получаются сугубо предположительные «вавилонские башни». Я же предпочитаю делать выводы по мере анализа конкретных памятников, с неизбежной медленностью, неуклюжестью и недодуманностью возвращаясь к размышлениям об истории древнерусского литературного творчества и, значит, истории древнерусской литературы, но в данном случае все же предпочитая ее простую, даже наивную, периодизацию.

I

АРХАИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

В XI—XII ВВ.

СЕМАНТИКА «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

1. ПЕРСОНОЛОГИЯ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Тип литературного творчества определяется по семантике произведения, особенно по характеристикам персонажей. Это касается и коллективно созданного памятника, такого, как «Повесть временных лет»¹.

Составители летописи повествовали в основном о событиях («что ся здеа в лета си» — 17, под 852 г.), но иногда летописец переходил к рассказам специально об отдельных лицах («намену неколико мужь чюдныхъ» — 183, под 1074 г.). Прямая персонология летописца ограничивалась особыми похвальными словесами князьям и церковным деятелям. Но еще существовала косвенная летописная персонология, гораздо более богатая благодаря многочисленным рассказам и упоминаниям летописца о тех или иных лицах. В результате сформировался более или менее цельный облик почти у каждого летописного героя. Из ранних героев летописи наиболее интересны Андрей Первозванный, Кий, Олег Вещий, Игорь Рюрикович, Ольга, Святослав Игоревич, Владимир Святославич. Их литературный облик как получившееся целое и обозревается в данной работе.

Персонологии летописи касалось немало исследователей (наиболее обстоятельно — А. А. Шайкин). Ныне задача заключается в обобщении наших новых истолкований летописного текста, ведь главная повествовательная манера этого памятника состоит в том, что в его рассказах больше подразумевается, чем говорится. Естественно, наши истолкования нередко спорны, имеют предварительный характер, что объясняется также и конспективным жанром предлагаемой работы — сразу охватить очень большой материал в кратких, ясных очерках, но без чрезмерного цитирования текста, без полной доскональности доказательств и без подробных библиографических примечаний. Когда ясна общая картина, тогда легче ее детально проверять в дальнейшем. Главное, чтобы наше домысливание не противоречило авторскому.

¹ «Повесть временных лет» цитируется по изданию, которое скрупулезно, но удобно указывает разночтения списков и состояние основного списка: Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. подгот. А. Ф. Бычков. 3-е изд. СПб., 1897. Страницы указываются в скобках. Орфография передается с упрощениями.

Апостол Андрей

Все, рассказанное летописцем об апостоле Андрее, не было случайным, но характеризовало его облик. Ход рассказа, детали, беглые упоминания — все имело смысл.

Андрей предстал значительной персоной, солидным церковным деятелем. Летописец, конечно, недаром отметил, что Андрей являлся братом авторитетного апостола Петра. Летописец показал основательность Андрея, который не кочевал, а обосновался в Синопе, в Синопе учил вере и в Синоп возвратился после долгой поездки в Рим. Поездка, как и положено важному церковному деятелю, была вызвана необходимостью отчитаться в Риме о том, кого Андрей научил и что увидел.

В Рим почтенный миссионер Андрей не пробирался в одиночку, случайными и опасными путями, но со своими учениками спокойно, с ночевками, проследовал по знаменитому пути из Грек в Варяги, плывя на судне вверх по Днепру. Место своей удобной ночевки на берегу под холмами Андрей благословил, и не мимоходом, а с утра затеял настоящую церемонию благословения места, действуя как высокий церковный иерарх. Он обратился к окружившим его ученикам, описал будущее тех холмов, на которые они смотрели по его указанию, затем взошел на эти холмы, поставил крест на месте предсказанного им города Киева, торжественно помолился Богу и, наконец, сошел с холма, завершив церемонию. Все это показал летописец.

Значительность Андрея проявилась также в его широкой осведомленности. Андрей у летописца, придя в Крым, в Херсонес, уже достаточно знал об устье Днепра и о пути из Грек в Варяги, а затем выступил в роли пророка, провидевшего большой город со множеством воздвигнутых сияющих церквей. Все, увиденное им, Андрей с редкостным пониманием сути дела принимал к сведению. Например, удивившись странному поведению людей, Андрей сразу понял, что он наблюдает банный обычай словен, которые не просто моются, но еще и «хвощаются» (7).

Еще одно проявление значительности Андрея: прекрасное владение искусством речи. Придя в Рим, Андрей смог увлекательно рассказать об обычаях словен своим римским слушателям, тонко учитывая психологию западноевропейцев, любящих комфорт, и заставив их пребывать в бесконечном изумлении от парадоксов словенской жизни: в Риме бани каменные, а в Словенской земле — опасно деревянные; пожара следует опасаться, словены же, напротив, всю нагнетают огонь и жар; прилюдно раздеваться есть неприлично и недостойно, а словены охотно объявляются нагишом (об этом же обычае на Руси писали западные путешественники и в XVII в.); квас надо бы пить, а словены им обливаются с необы-

валой расточительностью, да еще каким ядовитым квасом «усняномъ» — из белены (это разъяснение Т. А. Лисовой-Исаченко; такой квас обезболивает кожу); давать бить себя — позорно, да и неприятно, но словены так старательно секут сами себя, притом особенно жгучими гибкими молодыми прутьями, что еле живыми вылезают из бани; римлян на месте словен добила бы ледяная вода, а словены, окатившись ею, оживают после побоев; добро еще, если бы столь рискованные деяния допускались раз в году, но словены творят это ежедневно.

Значительность Андрея подчеркивалась вот чем еще. Для летописца, составившего летопись через полвека после открытого раскола христианства на католичество и православие и отрицательно относившегося к латинскому Риму, апостол Андрей явился не высокомерным латинянином, а, напротив, как бы «своим» человеком, который вполне лояльно отнесся к славянскому миру, а столь нелюбимых летописцу римлян выставил простофилями. Именно Андрей задал римлянам насмешливую загадку: «Что это такое, когда себя мучают и оскорбляют: оголяются, жарят, бьют себя, морозят?» Несообразительные римляне не смогли ответить, и Андрей в конце концов назвал им отгадку: «И то творять мовенье себе, а не мученье!» (8). Можно предположить, что летописец обозначил даже некоторую нелюбовь Андрея к Риму: апостол сначала «не въсхоте пойти в Римъ» и предпочел плыть на север, а когда пришлось явиться в Рим, то он недолго «бывъ в Риме, приде в Синопию». Правда, в дошедшем тексте летописи сказано, что апостол как раз «въсхоте» пойти в Рим, но тут, пожалуй, искажение, ибо «всхотети» использовано в Лаврентьевском списке 9 раз (см. известный справочник О. В. Творогова), и всюду в летописи, кроме данного раза, употребляется только словосочетание с отрицанием — «не въсхоте» (в том числе: «не всхотеша бо ходити» — 165, под 1068 г.; «не въсхоте ити» — 222, под 1096 г.), а при утверждении хотения используются глаголы без приставок — «хотети», «желати» (ср.: «хоте поити» — 44, под 941 г.; «хотяше ити» — 199, под 1085 г.; и мн. др.). Да и разумно ли из Крыма плыть в Рим через Днепр?

Значительность Андрея не преуменьшили дальнейшие утверждения летописи о том, что вероучителем славянства нужно считать апостола Павла (так отмечено в летописном повествовании под 898 г.). Все это правда. Судя по летописному изложению, апостол и не учил славян, и даже никак не общался с ними, пройдя своим путем задолго до возникновения Киева и Новгорода как предвестник христианства на Руси.

Значительность Андрея ясна и по месту рассказа в общем летописном повествовании. В соответствии с историософией летописца (то есть его манерой определять значение персонажей и событий), важные исторические явления, в том числе христианство, не сами зарождались внутри общества, а извне привносились на Русь пришлыми (или возвращавшимися) героями, и эти

приходы были судьбоносными. Апостол Андрей был для Руси первым таким героем. Затем Рюрик, прибыв из-за моря, от варягов, основал русскую государственность (под 862 г.); киевская княгиня Ольга вернулась из Царьграда христианкой (под 955 г.); великий князь киевский Владимир Святославич, вернувшись из варяжского Заморья, стал единодержцем Руси (под 980 г.), потом, возвратившись из Крыма, крестил Русь (под 988 г.).

Кий

По не очень внятному и осторожному летописному изложению, к тому же, возможно, заглаженному последующими редакторами и испорченному позднейшими переписчиками, все же можно предположить, что летописец не причислял Кия и его братьев определенно к полянам. По сообщению летописца, поляне жили на своих местах «и до сее братье» (8). Братья же затем каким-то образом «сели» среди полян на трех «горах» (холмах) и построили городок во имя своего старшего брата, там все и пребывали. Поляне же, как можно далее понять, обитали и охотились около города и лишь позже появились в Киеве.

На чужеродность Кия, быть может, указывают также дальнейшие сообщения летописца о том, что Кий никогда не был перевозчиком на Днепре (то есть не относился к «местным»?); что после основания Киева Кий «княжаше в роде своем» (а не у полян?) и что Кий «възлюби место», далекое от полян, — на Дунае, воздвиг там городок и захотел в нем осесть, опять-таки «с родомъ своимъ» (9). Конечно, истолкование всех этих фраз не бесспорно.

Но самое любопытное возможное свидетельство чужеродности Кия и его братьев полянам содержится в Лаврентьевском, а также в Ипатьевском и Переяславско-Суздальском списках летописи через несколько листов после рассказа о Кие. Жители Киева утверждали, что платят дань после смерти всех трех братьев «родомъ ихъ — козаромъ» (20, под 862 г.), то есть родственникам братьев — хазарам. Правда, эта фраза считается искаженной, и нет никаких иных следов мнения летописца якобы о хазарском происхождении Кия и его братьев.

Однако некоторые мотивы в летописном изложении не позволяют полностью отвергнуть предположение о том, что летописец представлял Кия вне среды полян. Во-первых, как следовало из историософской схемы летописца, все древнейшие правители Руси пришли извне, и Кий вряд ли был исключением. Во-вторых, летописец отметил, что Кий ходил в Царьград и принял великие почести от византийского цесаря, а подобное соответствовало выходцу из более энергичного, известного и влиятельного этноса, нежели поляне. В-третьих, хазары, возможно, не случайно предложили полянам платить дань, а поляне сразу согласились платить дань именно хазарам и делали это долго: ведь прецедент уже был — Кий.

В общем, вопрос о характеристике Кия в летописи пока остается открытым.

Олег

I. Летописец постарался всячески подтвердить законность вокняжения Олега. Во-первых, летописец подчеркнул достойное происхождение героя — «отъ рода» Рюрика (22, под 879 г.); сам же Олег в рассказе летописца определил себя еще решительнее: «азь есмь роду княжа» (22, под 882 г.). Во-вторых, летописец представил Олега юридически завещанным преемником Рюрика, который, умирая, «предасть княженъе свое Олгови» (22, под 879 г.). В-третьих, как показал летописец, Византия признала Олега князем, неоднократно называя его так в договоре (под 970 и 912 гг.). Олега называли князем все, в том числе кудесники и волхвы. В-четвертых, летописец поставил Олега в ряд с известными законными правителями — с римским императором Константином Великим и византийским цесарем Михаилом III: «отъ Костянтина же до Михаила сего летъ 542, а отъ перваго лета Михаилова до перваго лета Олгова, рускаго князя, летъ 29» (17, под 852 г.). Наконец, сама длительность властвования Олега, отмеченная летописцем, возможно, выступала свидетельством законности его княжения: «бысть всехъ летъ княжения его 33» (38, под 912 г.).

Кроме того, летописец показал законность княжеской деятельности Олега почти на каждом ее этапе. Этот герой у летописца не просто расширял свою власть, но постоянно опирался на правовые установления. Судя по летописным подробностям, которые могли бы и отсутствовать, будь изложение более сухим, вокняжение Олега в Новгороде сопровождалось возможной церемонией: Рюрик «въдавъ ему сынъ свой на руце» (22, под 879 г.). Последующее вокняжение Олега в Киеве сопровождалось более развернуто описанной церемонией: к подплывшей ладье были вызваны Аскольд и Дир; из ладьи выскочили воины, оттуда же торжественно вынесли Игоря, тогда еще младенца; Олег объявил: «А се есть сынъ Рюриковъ», и публично разоблачил Аскольда и Дира: «Вы неста князя, ни рода княжа»; Аскольда и Дира после разбирательства наказали — убили, затем, однако, продолжили церемониал — понесли и похоронили. Лишь после этих подробностей о соблюдении законности летописец сообщил, что «седе Олегъ княжа въ Киеве» (23, под 882 г.).

Последующие события в изложении летописца опять-таки направлялись приговорами героя, устно произнесенными им при той или иной государственной церемонии. Олег объединил в одно государство Новгород и Киев, ознаменовав это событие цитируемым в летописи словесным провозглашением Киева столицей и размножителем (матицей, матрицей) городов на Руси: «Се буди мати градомъ русьскимъ». Олег подчинил северян, потом радимичей, запретив давать дань хазарам, и эти законодательные запреты тоже привел летописец. Олег возвестил: «Азь имъ противень, а вамъ нечему» (23, под 884 г.), «не дайте козаромъ, но мне дайте» (23, под 885 г.).

Оформление победы Олега над Византией летописец изобразил в виде длительной церемонии и был необычно детален, показывая законность каждого шага героя. Когда Олег с войском вплотную подошел к Царьграду и греки запросили мира, то Олег, несколько отступив от города, «нача миръ творити» и, как положено, послал в город своих послов к византийским цесарям-правителям: «Имите ми ся по дань». Греки ответили: «Чего хощеши, дамы ти». Олег перечислил условия. Греки согласились, но дополнительно оговорили свои условия. И вот Олег и цесари «миръ сотвориста» и поклялись друг перед другом соблюдать мир: греки целовали крест, а Олег и «мужи» его клялись «по рускому закону» — своим оружием, богами Перуном и Велесом (30—31, под 907 г.). Еще одну церемонию упомянул летописец: Олег повесил свой щит во вратах Царьграда, «показау победу» (31). Затем был подписан договор, и текст этого обширного договора летописец вставил в летопись (под 912 г.).

Законность власти была одной из важнейших историсофских идей летописца, ей он следовал с самого начала своей летописи: Иафет с братьями правили по тому, как выпал им жребий; Кий дал имя Киеву на основании своего старшинства среди братьев; Рюрик пришел править по совместной просьбе нескольких племен; Олег же у летописца получился своего рода законником, на деле воплотившим завет племен найти князя, который бы «володель нами и судиль по праву» (18, под 862 г.), то есть управлял и судил по правилам. В частности, Олег явился тем первым законником, о ком летописец сказал, что тот не попросту «раздая грады», но «посади» (назначил наместниками) своих «мужей» по городам, и не просто брал дань, но «устави дани» — установил, с кого какую дань регулярно брать (22—23, под 882—885 гг.).

II. Второе обличье Олега в летописи — воинское. Он показан как жестокий и удачливый военачальник. Олег собрал небывало огромное войско, притом многообразное: летописец недаром впервые ввел и все увеличивал перечисление племен, служивших в войске Олега, а также указал гомерическое число кораблей во флоте Олега — 2000 (под 907 г.; у Аскольда и Дира в 866 г. было всего лишь 200 кораблей). Летописец изобразил Олега исключительно хитрым и настороженным воителем: он спрятал своих воинов в ладьях и устроил успешную засаду (под 882 г.); он поставил корабли на колеса и пустил их под парусами по полю на город, устранив противника (под 907 г.); его же обмануть, например, смиренно поданным угощением — отравленной едой и вином — противник не смог (кому суждено умереть от коня, тому не погибнуть от отравы). Олег у летописца свиреп и изобретателен в убийствах: например, около Царьграда он, по сообщению летописца, «много убийство сотвори», а пленников предал различным казням: одних порубили, других замучили, иных расстреляли, прочих в море покидали (29, под 907 г.). Разнооб-

разен Олег и в наложении дани: летописец специально перечислил, как с одних племен Олег требовал большую дань в гривнах, со вторых — «дань легьку», с третьих — черными куницами, с четвертых — монетами «щелягами» (шиллингами?) (под 882—885 гг.). Обильны и изобретательно использованы были и трофеи Олега — золото, паволоки, фрукты, вина и всякое узорочье (под 907 г.). Он даже паруса велел шить из захваченных паволок.

Во всех своих воинских делах, даже самых разрушительных, законник Олег не выходил за пределы правил и традиций — он делал, по определению летописца, только «елико же ратнии творять», то есть только то, что обычно совершают воюющие стороны (29).

Удачливость военно-государственной деятельности Олега оттенена сообщениями летописца на международные темы: в то время, как Олег расширяет Русскую землю, мимо Киева, не мешая Олегу, мирно, с востока на запад проходят венгры, они через Карпаты устремляются на другие народы и тут уже покоряют дунайских славян, воюют с греками, моравами, чехами, захватывают всю Болгарию и т. д. (под 898 и 902 гг.).

III. Летописный облик Олега получился трагически противоречивым. С одной стороны, он язычник, который держал в своих руках языческую «Великую Скифию», сжигал около Царьграда христианские церкви, клялся языческими богами и от язычников же получил прозвище «Вещий» (под 907 г.), намекающее, возможно, на жреческие функции князя. Однако, с другой стороны, этот язычник у летописца выглядел терпимо относившимся к христианству: Олег не возражал, когда греки посчитали его за святого Дмитрия Солунского; принимал их христианские клятвы и не порицал своих послов, которых греки, как сказано в летописи, «учаще я к вере своей и показующе имь истиную веру» — страсти Господни, венец, гвозди, хламиду багряную и мощи святых (37, под 912 г.). Больше того, Олег стал насмехаться и оскорбил («укори» — что по-древнерусски и означает «оскорбил») своего кудесника и вообще всех жрецов резким обвинением: «То ти неправо глаголють вольсьви, но все лжа есть» (38, под 912 г.). Олег у летописца оказался как бы между вер: с волхвами поссорился, но христианства не принял, хотя ко времени его правления, как рассказал сам же летописец, прервав повествование об Олеге, западные славяне и их князья уже крестились и получили переводы церковных книг на славянский язык, а просветитель славян Кирилл пошел учить болгарский народ (под 898 г.).

Явственно двойится облик Олега в завершении летописного повествования о нем — в легенде о смерти князя, который еще за несколько лет до похода на греков 907 г. вопрошал: «Отъ чего ми есть смерть?» (37). Как язычник Олег, естественно, обратился к волхвам и кудесникам, но, кажется, уже тогда он

слушал их без должного внимания, а больше надеялся на свой собственный ум. Во всяком случае летописец выразился не совсем обычно: Олег «приимь в уме» ответ кудесника, а не «в сердце». Ум в летописи — категория всегда неблагоприятная, заставляющая человека ошибаться: умом бывают горды, «превратны», расслаблены, простоваты, смятенны и т. д. К правильному же решению можно прийти только через сердце — вместилище веры, «приимша вь сердца своемъ», «положи на сердца своемъ» и пр. Оттого что безверный Олег лишь умом оценил предсказание кудесника, он не до конца его понял. Кудесник сказал Олегу: «Княже! Конь, его же любиши и ездши на немъ, — отъ того ти умрети» (37—38). Этот «конь» — скорее, собирательное «конье»: кудесник, высказавшись в так называемом «вечном» настоящем времени, подразумевал любого коня, на котором предпочитает или в будущем предпочтет ездить князь. (В летописи немало аналогичных высказываний с настоящим «вечным» временем глаголов, обозначающим повторение действия в будущем, и с нарицательным существительным в единственном числе, обозначающим множество объектов данного рода. Летописец иногда сам пояснял смысл подобных изречений. Например: «Не вьнимай зле жене, медь бо каплеть отъ усть ея, жены любодейци... Се же рече Соломанъ о прелюбдейцахъ» — 78—79, под 980 г.; то есть названа одна прелюбдейка, а имеется в виду все их множество. Кстати, сразу после рассказа об Олеге летописец стал рассуждать о предсказаниях различных волхвов и привел одно из их заклинаний: «Бес комара граду!» Упомянулся один комар, но подразумевались все комары: «И тако исчезнуша изъ града скоропиа и комарье» — 39.) Высказывание кудесника было тем более двусмысленным, что кудесник, как выясняется из дальнейшего повествования, предостерегал Олега не только от любимого живого коня, но и от мертвого, даже от его скелета, даже от его черепа, не говоря уже о других конях. Невнимательный к словам кудесника Олег не почувствовал сердцем свою обреченность среди коней, а умом прямолинейно решил отказаться лишь от одного своего тогдашнего коня: «Николи же всяду на нь» (38). Затем Олег лет на десять забыл о предсказании, все ездил на конях и к месту своей гибели подъехал на коне, летописец недаром подчеркнул это: Олег «повеле оседлати конь... и прииде... и ссede с коня», тем самым приблизив роковую развязку.

Дальнейшее изложение легенды летописцем, пожалуй, добавляет свидетельства о раздвоенности облика Олега и как правителя. С одной стороны, задумавшись о своей судьбе, Олег продолжал вести себя как предусмотрительный законник. Он обратился к надлежащим ответственным лицам — волхвам — и задал надлежащий вопрос: не о том, **когда** он умрет, а **от чего** ему ожидать смерти, то есть каково ему будет орудие смерти и за какую будущую вину. Олег предпринял меры, которые он понял так: нельзя убивать коня; пока конь жив,

то и князь жив. Поэтому Олег «поставил кормити и блюсти» коня, и это обстоятельство трижды отметил летописец. Как законник, Олег в конце концов вспомнил о сосланном коне, потребовал отчета у конюха: «Кое есть конь мый?» И даже возмутился, когда выяснилась ошибочность, казалось бы, вполне законного решения: «...все лжа есть. Конь умерль есть, а я живъ».

Но, с другой стороны, этот законник, оказывается, совершил роняющие достоинство князя поступки. Летописец не хотел прямо писать плохое о князе. Факты должны были говорить сами за себя. Мало того, что гадать о своей смерти — дело недоброе, но Олег нарушил свое княжеское слово. Он обязался никогда больше не видеть коня («ни вижю его боле того»), а потом все-таки поехал посмотреть: «А то вижю кости его». Тот, кто не держит слова, погибнет от своего оружия — так провозглашали, например, договоры Руси с греками, включенные в летопись под 945 и 971 гг. Оттого и Олег погиб от своего коня (как части его вооружения; это наблюдение Е. А. Рыдзевской).

Кроме того, Олег был подвержен гордыне. Он дважды «посмеяся» над тем, что ему говорили, а перед останками коня стал в позу победителя, произнеся презрительную речь и словно поправ ногой поверженные «кости» противника («рече: “Отъ сего ли лба смърть было взяти мне?” И вступи ногою на лобъ»). Гордыня никогда не доводит до добра, хитроумие и удача изменили Олегу, и он погиб не по-княжески, строго говоря, даже не от коня, а от змеи: из пустого конского черепа высунулась змея и «уклюну» Олега в ногу.

Нецельность облика Олега объясняется не только разноречием сведений, использованных летописцем, но и персонологией летописца (то есть его манерой оценивать героев), в соответствии с которой до победы христианства на Руси, где «погании, не введуще закона Божия, но творяще сами себе законъ» (13, летописное вступление), где «бяху бо людие погани и невеголоси» (31, под 907 г.), не могли появиться совершенно или преимущественно положительные русские князья.

Игорь

Летописный Игорь не выглядит как положительный правитель, несмотря на отдельные благоприятные упоминания о нем. Судя по циклу рассказов, Игорю были свойственны слабости, умалявшие его княжеское положение. Одну слабость Игоря, последовательно показанную (но прямо не названную) летописцем, можно определить как пассивность, недостаточную энергичность. Игорь не правил, в детстве его только носили, иногда выносили показывать, но оставляли не у дел (под 882 и 907 гг.). Когда Игорь вырос, он все равно не княжил, а, как отметил летописец, ходил за данью после Олега и слушался его.